

С Владимиром Шаровым, выпускником истфака ВГУ конца 1970-х годов, я познакомилась в декабре 2008 года. Тогда вышел в свет первый номер «Университетской Площади», и я привезла его в Москву, в его писательскую берлогу. Журнал Шарову понравился, и он даже передал для публикации нам один из своих текстов, решенных, как водится, в необычной, шокирующей привычное сознание шаровской манере.

Писатель Владимир Шаров — фигура в нашей литературе загадочная. Одни критики называют его «безусловным живым классиком, влияние которого можно усмотреть в творчестве многих современных писателей», другие — литературным провокатором и создателем жанра альтернативной истории. Для одних его сюжеты — захватывающие детективны, для других — изобилуют чрезмерно сложными размышлениями.

В минувшем году его роман «Будьте как дети» появился в финальных списках сразу двух самых престижных отечественных премий — «Большой книги» и «Русского Букера», а на Московской международной книжной ярмарке был назван «Книгой года» в номинации «Проза».

А вообще Владимир Шаров — автор семи интеллектуальных романов о русской истории XX века, где события, мистика и философия перемешаны и переплетены так, что реальность начинает обретать новые грани, высвечивая тайные механизмы нашей общенациональной судьбы.

Тамара Дьякова



СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИЯ: ДВА ПУТИ ПОНИМАНИЯ ЖИЗНИ

Прежде чем приступить к сути, мне, наверное, следует пояснить, что в этих моих заметках речь будет идти не о Москве как городе — мегаполисе, а лишь как о том месте, где пребывает верховная власть, чиновники, осуществляющие эту верховную власть, где формируется и формулируется их понимание, что такое «хорошо», а что такое «плохо», что полезно для всей страны, а что должно быть искоренено быстро и без всякой жалости.

Пару раз за последние годы, бывая на литературно-философских конференциях, в частности в Воронеже и Екатеринбурге, я столкнулся с почти маниакальным по за-

комплексованности противопоставлением Москвы и провинции. Причем тему эту мало кто обходил. Мне такой взгляд показался утиранным, пережатым; в конце концов, я знаю немало людей, которые, переехав из провинции в Москву, без особых проблем нашли себе здесь место. С другой стороны, и из Москвы в провинцию, правда, в более ранние, еще советские годы, перебрались трое моих знакомых, и им тоже жилось там вполне неплохо.

Обдумывая все это, я перечитал одну собственную, еще двадцатилетней давности, работу и вдруг обнаружил, что выводы, которые из нее следуют, совершенно черно-белые, ма-

нихейские, в общем, куда более резкие, чем все, что я слышал на вышеупомянутых конференциях. Надо сказать, что это меня отчасти поразило.

Основой той работы была обнаружившаяся жесткая преемственность царей или правителей — это как будет угодно — революционеров: Андрей Боголюбский, Иван Грозный, Петр Первый, Ленин, Сталин — все они оказались очень схожими и в понимании собственной власти, и в средствах и способах утверждения этого понимания. В итоге достаточно легко нарисовалась следующая пятичленная система.

Первое. Разделение государства на две части, в одной из которых источником верховной власти является традиция, а в другой — сама верховная власть (например, опричнина и земшина); причем власть, основанная на себе самой, стремится к территориальной экспансии, к своему распространению на всю территорию государства и уничтожению традиций, на которых она основана.

Второе. Новое представление власти о себе самой.

Иван Грозный: «Русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи». «До сих пор русские владельцы не давали отчета никому, вольны были подвластных своих жаловать и казнить, не судились с ними и ни перед кем».

Как итог: «Жаловать своих холопий мы вольны и казнить их также вольны».

Надо сказать, что для абсолютной власти вообще очень характерны демократические уравнительные тенденции.

Третье. Власть, видящая свой источник в себе самой (самозванство верховной власти), видит лишь в себе и источник любой другой власти.

Четвертое. Основание новой столицы. Тот же разрыв с традицией и той почвой, на которой она выросла и которая хранит ее (Москва и Петербург).

Пятое. Насильственная смерть носителя верховной власти, или гибель его династии, или то и другое (верховную власть, которую делает абсолютной отказ от традиций, тот же отказ делает чрезвычайно уязвимой, лишает всяких опор, всякой защиты); в то же время отказ от традиций, от традиционного понимания происхождения власти означает неизбежно отказ от традиции наследования власти: верховная власть не распространяется ни на кого, кроме ее непосредственного носителя.

Смерть носителя этой власти означает конец всякой власти вообще.

Смерть Андрея Боголюбского, быть может, — самая поразительная картина смерти абсолютной власти. После убийства князя заговорщики опасались, что владимирцы попытаются расправиться с ними, но никто и не думал вступиться за великого князя всея Руси, напротив, вслед за убийцами, которые начали расхищать княжескую казну, туда бросилось за своей долей остальное население Боголюбова; были ограблены также строители церквей, приглашенные Андреем в город. Грабежи и убийства продолжались несколько дней по всей волости.

Все это время князя не погребали. Единственный, кто остался верен покойному, был его слуга Кузьма. Когда он стал искать тело, ему сказали: «Вон, лежит, выволочен в огород, да ты не смей брать его: все хотят выбросить его собакам, а если кто за него примется — тот наш враг, убьем и его».

Наконец Кузьме удалось уговорить одного из убийц князя, ключника Анбала, дать ковер, чтобы завернуть тело. Когда он отнес князя к церкви и стал просить, чтобы его пустили, ему сказали: «Брось тут, в притворе, вот носится — нечего делать».

Приходя к выводу о своем неземном, божественном происхождении, власть сразу же формулировала и соответствующие своему новому статусу и новому положению дел цели. Земного в них было очень-очень мало, интерес к земле, как и интерес к традиции, утрачивался ею практически навсегда. Здесь-то, собственно, и обнаруживалось противостояние верховной власти и провинции.

Страна была огромна, почти бесконечно велика; не было дорог, население было редким, и власти всегда казалось, что она кричит недостаточно громко, что то, что она кричит, то, что она хочет от народа, не доходит дальше ближайших окрестностей Москвы или Петербурга, а если и доходит, то совершенно искаженным.

Власть как могла напрягала голос, как могли быстро неслиться на ямщиках гонцы, курьеры, чиновники по особым поручениям, и все равно все это было почти безнадежно медленно. Иногда проходили годы, прежде чем на какой-нибудь Камчатке узнавали, что в Петербурге давно уже правит новый царь.

Власть на Руси очень рано открыла для себя замечательный физический закон, который гласит, что волна, звук лучше всего рас-

пространяются в однородной, гомогенной среде. Достигается же эта гомогенность, с одной стороны, безжалостным уравниванием и выравниванием подданных (идеалы: армия; заключенные в лагерях), а с другой — точно так же, как при варке манной каши, то есть перемешиванием. Известно, что если ты хочешь, чтобы каша получилась хорошей, без комков, перемешивать ее надо часто и тщательно.

Иван Грозный, наверное, первый на Руси ввел систему массовых тотальных переселений дворянства из одних областей государства в другие. Заподозрив новгородских «служилых людей» в намерении изменить ему, он всех их (кого не убил) переселил на Волгу, а в новгородскую «пятину» на место выселенных посадил дворян из других уездов.

Суть и смысл этого «вывода», этого перемещения и перемешивания подданных — в их отрыве от местной почвы, к которой за века они с немалым трудом, но сумели приспособиться.

Провинциальная жизнь по своим установкам и узаконениям почти такая же, какой испокон века была человеческая жизнь. Отчасти это до- и потому антигосударственная жизнь. Суть ее — в умении приспособиться к местному климату, местной природе, ландшафту, стать человеком этого ландшафта (отличным от человека любого другого ландшафта), научиться этот свой ландшафт слышать четче и яснее, чем то, что кричит верховная власть. В провинции никому и в голову не придет разбивать виноградники по северным склонам уральских увалов. Тот, кто научится слышать свой ландшафт, будет всегда съят, обут, одет. Никаких звезд с неба ему никто не обещает, но то, что надо для нормальной, обычной жизни, он получит. Понимая это, власть уже давно стала смотреть на ландшафт, искушающий «местного» человека приспособиться к нему, повторить каждую его выпуклость и ложбинку, как на главную причину нарушения гомогенности подданных и, соответственно, как на своего величайшего врага.

Когда-то Господь Бог, наказывая змея, сорвавшего человеческий род, сказал: «Ты будешь ходить на чреве своем и есть будешь прах во все дни жизни твоей». И вот у власти, считающей себя наместницей Бога на Земле, всегда было ощущение, что змей, по Божьему проклятию никогда не отрывающийся от земли, от «праха», телом повторяющий малейшие неровности почвы, эту самую способность

соблазнять человека, вводить его в искушение и грех целиком и полностью передал земле, по которой он ползает.

Заметим, кстати, что именно поэтому чем более возвышенные цели ставила перед собой власть (превращение Москвы в центр, столицу мирового христианства — «Третий Рим»; становление нового избранного народа Божьего и новой Святой Земли; приготовление народа ко второму пришествию Христа и спасению всех праведных; позднее — коммунизм и построение здесь, на земле, всеобщего рая), тем хуже она относилась к ландшафту (в этом причина и полной, по своей природе — генетической, несовместимости почвенничества с любыми «великими» национальными идеями).

Всегда помня о той опасности, что исходит от ландшафта, власть не только пыталась оторвать от него человека, но и выровнять, упростить, снивелировать сам ландшафт, сделать его одинаковым везде и на всем протяжении страны, тем самым лишив его самой возможности соблазнять человека.

Николай Федоров, известный русский философ, поставивший задачу воскрешения всех когда-либо живших на земле людей (он считал, что пришло время, когда это может и должен сделать сам человек, а не Христос) и одновременно в своем трактате «Общее дело» предвосхитивший многие ключевые идеи уже коммунистической России, главным условием такого воскрешения мертвых считал радикальное упрощение жизни, равно — и людей, и природы. Люди должны были быть организованы в «трудовые армии» (закон армии — абсолютно одинаковая реакция совершенно разных людей на приказ; приказ должен быть исполнен во что бы то ни стало; приказы не обсуждают и т. п.), и вторая задача — ландшафт тоже подлежит нивелировке. Горы, по Федорову, должны быть срыты, низины засыпаны, реки превращены в каналы, а вся земля — в одно ровное поле. Города и городская культура также подлежали уничтожению как рассадники всяческих излишеств и пороков.

Те же веши в разное время пытались, как известно, воплотить и Советская Россия. Реальная жизнь смягчала все это, но не принципиально: трудовые армии времен военного коммунизма, военная дисциплина на заводах и фабриках при Сталине; тот же вечный советский мотив покорения природы. Природа больше не должна соблазнять человека, не должна уговаривать его приспособиться к

ней; наоборот, пришло время, когда человек сам возьмет у нее то, что считает нужным, и сделает с ней то, что нужным сочтет.

Отсюда же принципиальная поддержка компартией Трофима Лысенко. Центральная власть всегда разделяла убеждение Лысенко, что любую сельхозкультуру можно заставить, принудить расти там, где нужно человеку, и приносить такой урожай, какой считает нужным человек.

Если мы посмотрим на XX век, век самый дичайший по бесконтрольности верховной власти, век, когда она достигла вожделенной гомогенности, во всяком случае максимально приблизилась в России к ней, мы увидим поразительный по частоте и массовости ряд попыток оторвать человека от почвы, к которой он так долго и старательно пытался приспособиться, а дальше — обкатать его, как песчинку.

Некоторые из этих попыток не были результатом сознательных действий власти, но они дали возможность прийти к власти тем людям, которые эти попытки сделали вполне осознанными и систематическими. Перечислим их.

1. Столыпинская реформа и переселение миллионов людей из центра страны в Сибирь.

2. Первая мировая война. Линия фронта была чрезвычайно подвижна и проходила по наиболее густонаселенным западным губерниям России. Результат — многие миллионы беженцев. Часть из них (евреи, обвинявшиеся в симпатиях к немцам) была выселена из прифронтовой полосы намеренно и подчистую.

3. Гражданская война, снявшая с насиженного места тоже многие миллионы людей, причем огромная часть наиболее процветающих (синоним: наиболее приспособившихся к ландшафту) слоев общества оказалась сначала на юге, потом — в эмиграции. Тогда же — вызванное голодом переселение миллионов людей из городов обратно в деревни.

4. При большевиках: коллективизация — миллионы выселенных. Индустриализация и стройки коммунизма, переманившие опять много миллионов людей теперь наоборот — из деревни в города. Десятки миллионов людей, арестованных и попавших в лагеря или отправленных в ссылку. Кстати, я убежден, что такое неслыханное число убитых и арестованных лишь отчасти связано с политической борьбой. Другими двумя важнейшими задача-

ми, которые решал ГУЛАГ, было убийство людей, отличающихся от общего уровня по своим способностям, таланту, происхождению, взглядам на жизнь, интересам и поведению (то есть нарушавшим пресловутую «гомогенность» общества). ГУЛАГ также оторвал от той почвы, на которой человек родился и вырос, огромное количество людей, заменив их место рождения, национальность, вообще всю их прошлую жизнь лагерным номером и статьей.

5. Десятки миллионов беженцев во Вторую мировую войну. Депортация крымских татар и кавказских народов в Казахстан. Примеры из того же ряда — двукратная смена алфавита в Татарии и Азербайджане: с арабской графики на латиницу и тут же следом — на кириллицу. Так что отцы, сыновья и внуки оказались друг для друга фактически не умеющими ни читать, ни писать.

Кстати добавим, что одними из первых, кто в сталинской России пошел под нож сплошняком, чуть ли не до последнего человека, были краеведы — хранители местных традиций.

Результатом всей этой, по моему глубочайшему убеждению, целенаправленной политики явилось то, что в огромной России различия в языке, нравах, обычаях между, например, восточными и западными областями страны, северными, центральными и южными бесконечно меньше, чем в сравнительно небольших Бельгии, Германии, Франции, Италии, Испании, Югославии. В России все говорят на одном и том же языке дикторов московского радио и телевидения. Даже знаменитого северного «оканья» уже практически не осталось.

Интересно, что этой обработке, конечно в куда более мягкой форме, но так же непреклонно, подвергалась и вся номенклатура; бесконечное пересаживание из одного руководящего кресла в другое, перевод из одних городов, района, области, республики в другие города, район, область, республику. Почти каждый человек, достигший в советской стране высоких степеней и званий, был в своей жизни кочевником,nomadom. Власть больше всего боялась, что он прирастет к тому месту, где служит, и имела на это основания. После того как в поздние советские годы это в самом деле произошло в Средней Азии и Закавказье, советская власть рухнула очень скоро.

Той же цели гомогенности элиты служил и совершенно парадоксальный со всех точек зрения способ формирования этой элиты. В нее отбирались не лучшие по природным

способностям, а самые посредственные, самые послушные и исполнительные. Отбор выдвиженцев шел исключительно по анкете, и дальше им тоже давалось не лучшее и даже не среднее, а самое худшее из существовавших тогда в России образований — высшие комсомольские и партийные школы.

Тот совершенно мгновенный и по любым меркам почти анекдотический крах Советского Союза как раз и объясняется деловыми качествами этой самой элиты, не способной решить никакую, хоть отчасти не знакомую ей задачу.

Еще пара небольших довесков. Власть, конечно, очень боялась той страны, которой она правила. Какими бы большими кружками ни обозначалась на карте столица, одного взгляда на эту самую карту было достаточно, чтобы понять, как ничтожно она мала по размерам, чтобы испугаться, что вот-вот пропадешь, затеряешься посреди этого бесконечного континента. Отсюда и их — столицы и страны — обоюдный страх, мания преследования, бегство друг от друга. Страна, расширяясь, стремительно бежала на восток,

к Тихому океану, а столица ее на всех парах мчалась в направлении прямо противоположном — на запад, к Атлантике.

Верховная власть редко интересовалась (по вышеизложенным обстоятельствам) особенностями той страны, которой она управляла. Кроме петровской кунсткамеры, главным экспонатом которой был родившийся в какой-то деревне двуглавый теленок, мне известны только две попытки такого интереса, обе явно предвосхищающие современные Диснейленды.

Первая — это Ледяной дом. Гениальная метафора России, сооруженная в царствование императрицы Анны Иоанновны. В этом Ледяном доме по очереди обитали все известные тогдашней власти российские аборигены, каждой твари — по паре, среди привычных им вещей, нарядов и занятий.

Вторая попытка была уже при советской власти — Выставка достижений народного хозяйства.

В таком адаптированном виде разнообразие страны для верховной власти было в общем и целом приемлемо.

